

Д. В. Шиман

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Номинативные поля взяточничества в русском языке

Шиман Д. В. Номинативні поля хабарництва в російській мові. У статті на прикладі ядерних лексем посул, взятка, мзда; мздоимство, лихоимство, взяточничество розглянуто семантичні зрушення в номинативних полях хабарництва. Показано, що варіативність номінантів концепту «хабар» обумовлена характером семантичної мотивації їх внутрішньої форми і відображає зміну суспільного відношення до цієї соціокультурної девіації.

Ключові слова: *номинативне поле, внутрішня форма, конверсив, актант, семантичний фокус.*

Шиман Д. В. Номинативные поля взяточничества в русском языке. В статье на примере ядерных лексем посул, взятка, мзда; мздоимство, лихоимство, взяточничество рассмотрены семантические сдвиги в номинативных полях взяточничества. Показано, что вариативность номинантов концепта «взятка» обусловлена характером семантической мотивации их внутренней формы и отражает изменение общественного отношения к данной социокультурной девииции.

Ключевые слова: *номинативное поле, внутренняя форма, конверсив, актант, семантический фокус.*

Shyman D. Nominative fields of bribery in the Russian language. The article deals with semantic shifts in the nominative fields of bribery on the example of nuclear lexemes посул, взятка, мзда; мздоимство, лихоимство, взяточничество. It is shown that the variability of nominations of the concept “bribe” is due to the nature of the semantic motivation of their inner forms and reflects a change in social attitudes to this socio-cultural deviation.

Keywords: *nominative field, inner form, conversion, actant, a semantic focus.*

Взяточничество, являющееся формой социокультурной девииции, получает специфическое представление в русской языковой картине мира. С этим явлением связано обширное номинативное поле, которое включает номинации, гетерогенные по происхождению и внутренней форме, – *взятка, мзда, подкуп, посул, бакиши, хабар, халтура, срыв, поборы, магарыч, куш, нагар, безгрешные доходы, приношения, дары, гостинцы, принос, откат*. Действия, осуществляемые в ситуации взятки, характеризуются в русском языке метафорически. Ср: *хапать, рвать, греть руки, кормиться и сунуть, подсунуть, подмазать, коррумпировать, дать на лапу, умаслить*. Эвфемистичность образных номинаций девиицианного явления – *барашек в бумажке, решать проблему известным путем, решать по-человечески, брать борзыми щенками* – вполне закономерна и прагматически обоснована. Разнородные вербальные манифестации, которые акцентируют отдельные аспекты взяточничества, обеспечивают его панорамное представление в языке и генерируют динамическое концептуальное пространство. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать, как способы языковой семантизации концепта «взятка», фиксируемые в словарях русского языка, отражают изменяющееся отношение к этому явлению в обществе в период XI–XXI вв.

Семантические сдвиги в номинативном поле «взятки» связаны с широким историческим контекстом и проявляются наиболее ярко в ядерных лексемах – *посул, взятка, мзда*, с одной стороны, и *мздоимство, лихоимство, взяточничество*, с другой¹. Эти слова имеют производный характер и, соответственно, достаточно живую внутреннюю форму. Три из них – *посул, мздоимство* и *лихоимство* – стилистически окрашены как устаревшие, два последних в этом ряду – книжные, в силу чего оказывается значимым исторический контекст их употребления.

Внутренняя форма стилистически нейтрального слова *взятка*, используемого в современном узусе, связана с базовым семантическим отношением *дать/взять*, лежащим в основе лексического значения слова. Это конверсивное отношение связывает 2-х участников ситуации (актантов) – того, кто дает взятку, и того, кто ее берет. Двунправленность процесса отражается в структуре лексического значения слова *взятка* – ‘деньги или вещи, даваемые должностному лицу как подкуп за совершение каких-либо действий по должности в интересах дающего’ [11:171]. Как видим, в семантическую структуру включены оценка действий первого актанта – «*подкуп*» и содержание его целеполагания – «*в интересах дающего*». В то же время характер

¹ Лексема *посулоимание* не включена в анализируемые ряды, поскольку в лексикографических источниках регистрируется единично [15:270].

словообразовательной мотивации (*взять* → *взятка*) закрепляет перенос семантического фокуса отношения с «дающего» на «берущего», который получает негативно-оценочную номинацию – *взяточник, взяточхват, взяточлюбный*. Симметричность номинаций актантов этого отношения (*взяткодатель / взятокополучатель*) устанавливается только в юридическом дискурсе¹.

Семантическая соотнесенность действий актантов *дать* и *взять* отражается более последовательно в лексической структуре слова *взяточничество*², которое обозначает в равной мере и получение взяток, и дачу взяток [там же], как и сам 'обычай брать взятки; порядок вещей, где требуются, берутся взятки' [2:197]³. Внутренняя форма этого слова, связанная с характером мотивирующих его основ, заимствует семантическую фокусировку первого актанта, однако негативная коннотация «рассеивается», поскольку лексема предполагает объективную номинацию явления. Современные коннотации слова *взятка*, фиксируемые в его семантике, затемняют первоначальную мотивацию. Данная лексема, образованная от причастия пр. в. *взятый*, употреблялась в значении – 'то, что должно быть взято'⁴ (исконный смысл сохранился только в карточной терминологии) [22:90; 12:170].⁵

Принцип аттракции, который просматривается в способе идеографической организации словарной информации, позволяет установить дополнительное к данному ряду отношение слова *посул*. У В. Даля находим: *посулы, гостинцы, взятки, под(при)носы*. Основное значение лексемы *посул* – 'обет, обещание, данное слово, подразумевая нечто неверное, сомнительное' – мотивировано глаголом *посуливать* – 'сулить по временам, не давая; манить, водить, повторяя обещанье [4:349]'. Внутренняя форма слова *посул* и синонимичных ему номинаций *гостинец* и *под(при)нос* смещает семантическую фокусировку на дающего взятку, определяя его в качестве инициатора отношений, а его негативная оценка связана прежде всего с сомнительной результативностью действия. Коннотативное равновесие достигается за счет неравномерной вербальной репрезентации актантов ситуации: языковую номинацию получает только берущий взятки – *посульник (посульница)*.

Использование этих слов обусловлено характером государственной политики и гражданской практики. Так, слово *посул* является одним из первых юридических терминов, определяющих исследуемое явление (см. Двинская Уставная Грамота 1397 г., ст. 6: «*А самосуда четыре рубли, а самосуд то: кто изыснав татя с поличным, да отпустит, а собе посул возьмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосуд, а опричь того самосуда нет*» [1:156]). Во избежание двусмысленной трактовки в законодательной литературе слово *посул*, изначально используемое для обозначения легитимных вознаграждений чиновников («за прилежание»), в значении 'взятка' употреблялось в сочетании с лексемой тайный («*А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику*» [7:331])⁶. Реакцией на нормирование посулов в XV в. стала номинация явления словом *лихоимство*. Словообразовательная мотивация слова (*лихва* → *лихоимство*)⁷ предопределила его семантические трансформации: первоначальное значение 'взимание процентов, ростовщичество' [10:407] дополнилось семами 'жадность, корыстолюбие' [14:248], а после – и вторичным

¹ Отсутствие нейтрального обозначения дающего взятку приводит к развитию энантиосемии внутри лексемы *взяточник*, изредка употребляемой для наименования обоих участников процесса.

² Словари фиксируют переход от трактовки явления как отдельного факта к восприятию его как систематического процесса: значение 'принужденных подарков' актуализируется при употреблении лексем *взятка* и *посул* во мн. ч. [8:734; 9: 949].

³ Взяточничество определяется также с позиций нравственной оценки: 'порочная привычка брать взятки' [16:839].

⁴ Интересно, что актуальное значение слова имеет абсолютно противоположную модальность.

⁵ Данная этимология объясняет, почему именно лексема *взятка* выступает в качестве гиперонима по отношению к дикурсивно разнородным синонимам: *срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы, пешкеш, бакиши, хабара, магарычи* [2:197], которые обнаруживают иную мотивацию внутренней формы. Так, внутреннюю форму (далее ВФ) слов *дар, гостинец, бакиши* [17:111], *пешкеш* [19:157] организует сема «подарок». Семантическая фокусировка на действии «дающего» мотивирует ВФ слов *приносы, приношения*; на действие второго актанта (берущего) направлен семантический фокус ВФ слов *побор* ('срыв, взятка, сбор вымогательством' [4:135]), *срыв* ('вынужденный подарок' [5:305]), *хабар* ('выгода, прибыль' [5: 540]; 'нажива, пожива' [20:213]). Этимология гипонима *магарыч*, обозначающего 'род взятки, побора', наряду со значением 'угощение, срыв при сделках и продажах' [3:228], «подсвечивает» сему «расходы, издержки» [18:612]. В лексеме *поминки* прослеживается аналогичное изменение лексической семантики: 'незаконный побор, взятка' развивается из значения 'вид подати' [15:22].

⁶ Номинация исследуемого явления лексемой *посул* осуществлялась преимущественно в юридическом дискурсе: значение 'взятка' не вытеснило первичного смысла слова, будучи отраженным в словарях в качестве вторичного [15: 269-270] либо не фиксируясь вовсе [6: 493].

⁷ Словари изначально регистрируют параллельные формы *лихоимствовати* – *лихоимствовати* [4: 406].

значением 'мздоимство, взяточничество' [там же]. Наряду с семантическими изменениями номинативного поля с компонентом *лих-*, характеризующего исследуемую девиацию, происходит и деривационное развитие поля – *лиховоимствовати, лихоимствовать, лихоимец, лихоиманник, лихоимник, лихоимание, лихоимствован* [10:406–409], *лихоимати, лиховозимати* [13:248–249], *лиходательствовать, лиходатель, лихоимство* [3:505]. В этом словообразовательном гнезде представлены номинации обоих актантов, каждый из которых определяется как потенциальный инициатор действия, в том числе подкупа либо вымогательства¹ (ср.: *лиходатель* – 'дающий взятки, подкупающий', *лихоимец* – 'мздоимец, взяточник, подкупной служитель, вымогатель поборов') [там же]. В толковании значений номинантов этого ряда квалифицируется 'целеполагание' берущего – «жадность» и «корысть», а также мерцает нравственная характеристика его действия – «обман» (*лиховоимствовати* – 'обижать, обманывать с корыстной целью' [13:249]).

Внутренняя форма компонента *лих-*, организующего словообразовательный ряд, первоначально мотивирована словом *лихва* («рост», «процент» [18:504; 21:486]). Обращение к этимологическим словарям для более точной реконструкции внутренней формы выявляет расхождение в дальнейшей этимологии. Некоторые исследователи полагают, что общеславянское **lichva* заимствовано из готского языка («заем», «ссуда») [18:504], другие считают более вероятным исконное производное от **lichъ* – «превышающий меру» > «чрезмерный» > «злой» [21:486]. В семантике номинативного поля с корнем *лих-* каждая из трех сем – 'процент', 'чрезмерный' и 'злой' – является мотивирующей. С одной стороны, в этом ряду формируется актуальный для современного восприятия смысл «зло», который задает этическую оценку явления². С другой, – негативная оценка мотивирована также семантическим компонентом «сверх», который фокусируется на превышении меры допустимого³. В юридическом дискурсе устанавливается своеобразный стандарт действий по должности – *лихоимство* классифицирует должностные преступления, связанные с превышением служебных полномочий. Действия же, стимулированные взяткой в рамках должностных обязанностей, получают терминологическую закреплённость в лексеме *мздоимство*.

Словообразовательное гнездо с компонентом *мзд-* (*мзда, мздити, мздитися, мздник, мздоимание, мздоимство, мздоиматель, мздоимец, мздоимник, мздоимный, мздоимствовати, мздопримец, мздопримный* [14:145–148], *мздоимать, мздоимничать, мздоимческий, мздоимственный, мздолюбие, мздолюбивый, мздолюбец* [3:324]) формируется по аналогичным схемам, что и с корнем *лих-*, однако в толковании значений номинативных полей *лиховоимства* и *мздоимства* прослеживаются существенные различия. Так, внутренняя форма слова *мзда*, организующего данное семантическое поле, связана со смыслами «вознаграждение», «плата», фиксируемыми в основном значении слова. Однозначно негативная оценка явления формируется в сложных словах⁴. Внутренняя форма ряда номинантов, казалось бы, предопределяет направленность семантического фокуса на дающего взятку. Однако такая фокусировка выявляется только в глаголах *мздити* – 'делать подношения, давать взятки, подкупать'; *мздитися* – 'делать подношения, давать взятки, подкупать, желая получить что-либо' [14:146], определяющими целеполагание актанта⁵ и его статус как инициатора акции. Лексема *мздодатель* (ср. *лиходатель*) используется в значении 'вознаградитель, уплатчик за труды, по заслугам' [3:324], вследствие чего дающий взятку не получает своей номинации. Второй участник ситуации, напротив, манифестирован шестью лексемами – *мздник, мздоиматель, мздоимец, мздоимник, мздопримец, мздолюбец*, семантика которых отражает характер действия ('кто принимает, требует взятки'), его модальность ('кто любит брать мзду, принимать подарки, пользоваться взятками'; 'охотник до поборов'), этическую оценку ('продажная душа') и интенции актанта ('творит суд из корысти') [там же; 14:145–148]. Негативная коннотация, фокусирующаяся на берущем взятку, снимается в слове *мздолюбие*, определяющем явление с позиций нравственности – 'сильное расположение ко

¹ В словообразовательном гнезде с морфемой *лих-* лексемой *лиховоимствован* (прич. страд. прош. вр.) номинирован дающий взятку, который выступает пассивным объектом действия берущего ('подвергшийся вымогательству') [10: 408].

² Лихоимство функционирует и в библейском дискурсе в качестве порока. Об этом подробнее в последующих публикациях.

³ В паремиях смыслы «злой» и «избыточный» коррелируют – «Все хорошо, что в меру».

⁴ «В словах сложных, мзда изменяется во мздо, и нередко прилагается в дурном знач. подкупа, продажности» [там же].

⁵ В словаре отражается устойчивый контекст *на место чье-либо мздитися*, определяющий конкретную цель актанта – 'получить чью-либо должность' [14: 146].

взяточничеству'. Двухнаправленность действия отражается и в семантике лексемы *мздоимство* – 'взымание приносов, подкупы, взяточничество' [3:324].

Сравнение внутренней формы разных лексем позволяет сделать такие **выводы**:

1. Развитие номинативного поля взяточничества становится своеобразной реакцией на трансформацию социального восприятия явления.

2. В изменениях ядерной структуры концептуального пространства взяточничества прослеживается изменение семантической фокусировки актантов. В свою очередь семантические фокусы связаны с концептуальными параметрами *Воля, Власть, Закон, Мера, Норма, Обычай, Целеполагание*.

3. Соотнесенность номинативных полей взяточничества с гетерогенными семантическими полями объясняет вариативность семантической мотивации внутренней формы отдельных номинаций, а также неоднородную связь негативных коннотаций с семантическими актантами ситуации.

Литература

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. — СПб. : тип. Императорской Академии Наук, 1836. — Т. 1 (1294—1598). — 438+29 с.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Русск. яз., 1978. — Т. 1. — 670 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Русск. яз., 1978. — Т. 2. — 780 с.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Русск. яз., 1978. — Т. 3. — 556 с.

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Русск. яз., 1978. — Т. 4. — 684 с.

6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. — 17-е изд., стереотип. — М. : Русск. яз., 1985. — 797 с.

7. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X—XX веков. — М. : Юрид. лит., 1984. — Т. 1. — 465 с.

8. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный : в 6 ч. — СПб. : типография Императорской Академии Наук, 1789. — Ч. 1. — 634 с.

9. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: В 6 ч. — СПб. : типография Императорской Академии Наук, 1793. — Ч. 4. — 639 с.

10. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): В 10 т. / Под ред. Р. И. Аванесова. — М. : Русск. яз., 1991. — Т. 4. — 558 с.

11. Словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Русск. яз., 1981. — Т. 1. — 688 с.

12. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—27. — М. : Наука, 1975. — Вып. 2. — 424 с.

13. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—27. — М. : Наука, 1981. — Вып. 8. — 452 с.

14. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—27. — М. : Наука, 1982. — Вып. 9. — 486 с.

15. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—27. — М. : Наука, 1991. — Вып. 17. — 418 с.

16. Словарь русскаго языка составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. — СПб. : типография Императорской Академии Наук, 1891. — Вып. 1. — 1240 с.

17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. — 2-е изд., стереотип. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1986. — Т. 1. — 573 с.

18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. — 2-е изд., стереотип. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1986. — Т. 2. — 671 с.

19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. — 2-е изд., стереотип. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1987. — Т. 3. — 864 с.

20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. — 2-е изд., стереотип. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1987. — Т. 4. — 834 с.

21. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. — 5-е изд., стереотип. / П. Я. Черных. — М. : Русск. яз., 2002. — Т. 1. — 624 с.

22. Этимологический словарь русского языка : в 8 т. / Под. ред. Н. М. Шанского. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1968. — Т. 1, вып. 3. — 284 с.